

Мой герой

*Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой ...
Евгений Агранович*

Василий ехал уже третьи сутки. Как долго он дожидался этого! Отгремел салютами май сорок пятого, а приказа о демобилизации для командира отделения танковой дивизии всё ещё не было. Не был он подписан и в сорок шестом. И второй послевоенный Новый год сержант Краев встретил вместе с однополчанами в разрушенной Германии. «Как же тяжело всё это... – думалось тогда Василию. – Почему после стольких лет разлуки с Отчизной я должен помогать поверженным немцам восстанавливать города? Почему мне следует помогать обустраивать мирную жизнь тех, кто ещё совсем недавно посылал своих солдат топтать танками мою Родину, тех, кто посылал самолеты, чтобы перепахивать родные поля смертоносными бомбами, чтобы истреблять всё живое на прекрасной русской земле?» Однако когда сержант Краев видел тоненькие фигурки пострадавших немецких детей, когда встречался взглядом с грустными глазами какой-нибудь пожилой фрау, то безмерно жалел всех их...

Лежа на тощем матрасике в теплушке сержант Краев думал: «А ведь эта чудовищная война не пощадила ни мою душу, ни тело. Мне было страшно много раз. Очень страшно! Я боялся за свою жизнь, когда юркие немецкие пули разбрасывали на меня осколки лобового стекла полторки, как стрела, летящей по фронтовым дорогам. Когда во время штурма Кенигсберга я понял, что танк подбит и невозможно вздохнуть, ничего не слышу потому, что придавлен обрушившейся от взрыва стеной здания. Чудом остался жив тогда, но получил серьёзную контузию и в свои двадцать с небольшим частично потерял слух. Мысль о нелёгкой доле родных, оставшихся дома в деревне, терзала мне душу. Из редких писем от матери знал, что там свой фронт: преодолевая себя, женщины и подростки растили хлеб, чтобы солдат Краев мог сражаться с ненавистными фашистами». Так размышлял, наверное, каждый, кто ехал вместе с Василием в одной теплушке, но вслух никто из них никогда не говорил об этом.

И вот только теперь, в апреле 1947, двадцатилетний сержант Краев, как и многие русские солдаты, возвращался в родную деревню в Горьковской области, получив месяц назад долгожданный приказ о демобилизации. Колёса вагона отстукивают по рельсам, шепчут: «До-мой! До-мой! До-мой!» Сквозь щёлочку дощатой стены виднеется ночное небо. Потрескивание угольков в буржуйке и ласковый свет огня, переливающийся, как светляки в

тёплую июльскую ночь, напоминают о родной деревенской избе, где на печи так сладко спится... Но сейчас спать Василию не хочется, как, впрочем, и всем остальным. Он подошёл к оконцу. Стал наблюдать. На быстром ходу поезда мелькают по-западному вычищенные перелески, проносятся мимо станции с расписными, как пряничные домики, зданиями. Жёлтая луна блёкло освещает чуждые, неродные пейзажи. Василий тяжело вздохнул, вернулся на свою койку и не заметил, как погрузился в беспокойный сон.

Утром, открыв глаза и уже по привычке устремив взгляд в щёлку в стене теплушки, Василий вдруг увидел берёзовые перелески. Потом сменяли одна другую привычные взгляду картины: неухоженные, но всё же весёлые полустанки чередовались с густыми зарослями лесов, за которыми виднелись проснувшиеся от весенних теплы зеленей полей. «Хорошо-то как! – подумал Василий. – Значит, скоро буду дома! Как же хочется вновь оказаться в поле, в середине океана золотой пшеницы! Как же хочется вновь почувствовать аромат только что убранного зерна! Того, что вырастил сам, того, которым поистине дорожу! Как же хочется вернуться в мирные предвоенные годы!»

Тогда Василий ещё не был командиром танкового отделения, орденосцем, человеком, многое пережившим. В то время он был просто Васька, обычный светловолосый голубоглазый паренёк, за которым бегали все деревенские девчонки. Тогда он был мальчишкой, работающим с ранних лет в поле, крутил баранку колхозного неуклюжего трактора...

Но война, как топор, разрубила его жизнь на два отрезка. Паренёк, живший в глухой деревеньке недалеко от Горького, даже не представлял себе, что когда-то на самом деле будет воевать, защищая Отечество. В 1941 году Василию было лишь семнадцать и его не призвали в армию. Но в этот страшный для всей страны год, как никогда, парень ждал своего восемнадцатого дня рождения, и 25 августа 1942 года мать, внезапно постаревшая от предстоящей разлуки, провожала своего Васятку на эту страшную войну с фашистом, утирая платком с лица скупые, бессильные слёзы.

Задумавшись о былом, Василий и не заметил, что паровоз, громко попыхивая трубой, начал сбрасывать скорость и поезд остановился. «Прибыли!» – крикнул кто-то. Сержант схватил сидор и легко спрыгнул с подножки вагона в толпу встречающих. Сухонькая женщина в знакомом шерстяном платочке кинулась к нему и, рыдая, обняла.

– Мама! Родная! – только это и смог сейчас сказать повзрослевший в боях, возмужавший сержант Советской Армии Краев.

От станции до дома добирались на подводе, которую мать уговорила выделить колхозное начальство, чтобы встретить сына-героя. Усевшись в телегу на колющееся сено, наперебой расспрашивали друг друга обо всём, что происходило за время долгой разлуки, не могли наговориться. Мать то и дело утирала слезы радости. Она негромко рассказывала о том, как было нелегко от тяжёлой работы в поле, что в одну зиму сильно голодали. Потом вдруг прерывалась, гладила сына по полуседой голове и восклицала:

«Совсем-то молоденький, а белый уже! Ну, да ладно, хорошо, живой ведь! Дождалась!» А Василий только гладил уставшие руки матери и ласково смотрел на неё.

Лошади неспешно катили телегу к деревне. Колёса мерно скрипели и постукивали на ухабах. Мать и сын замолчали, каждый думал о чём-то своём. Василий растянулся на колком сене, издающем терпкий аромат прошлогодней зелени, засмотрелся в необозримые дали...

Тишина. Вокруг родные просторы. Смотришь в синеву ясного неба, и хочется вздохнуть полной грудью, громко крикнуть: «Весна-а-а-а!!!» А птицы откликнутся в ответ... Лучи яркого солнца как-то по-особенному греют. От этого становится теплее и на душе. На ветру покачиваются стройные берёзки, у подножия которых тянутся к солнцу невысокие уже ярко-зелёные травинки. Мелькают среди них жёлтые блёстки мать-и-мачехи, светят, словно «сто тысяч солнц». «Я снова дома! – думал в этот момент Василий. – Больше не нужно испытывать ненависть к врагу, не нужно переживать смерть товарищей, не нужно управлять танком, не нужно убивать! Я хочу только одного: растить хлеб и жить по совести».

И всё для Василия складывалось хорошо. Жизнь, хотя не баловала его, но любила, словно отдавая долги за страшные военные годы. Василий повстречал прекрасную девушку и вскоре женился на любимой Зине. Он вновь работал в родном колхозе, водил трактор и за хорошие успехи был назначен бригадиром тракторной бригады, а позже и полеводческой. Василия Михайловича уважали.

Зинаида Ивановна родила ему двух дочерей и долгожданного сына. Краевы жили в любви и согласии. Зинаида Ивановна переживала только, что муж каждую ночь кричит во сне. Лишь она одна знала, что во время ночного кошмара каждый раз военный шофёр Краев везёт снаряды через гречишное поле по грунтовой дороге под немецким обстрелом. Солнце слепит через лобовое стекло. Лёгкий ветерок расчёсывает сплошной бело-розовый ковёр цветущей гречиши. И будто бы маленькая пчёлка сначала гудит где-то вдалеке, но потом оборачивается большущей стальной пчелой с чёрными немецкими крестами на крыльях и накрывает огромной серой тенью полуторку. Вдруг с неба сыплются огромные булыжники, мнут цветущие травы, вздымают комья земли, разбрасывают по округе обшивку машин, колёса, куски окровавленных тел... Василий всё продолжает набирать скорость, но какая-то сила толкает его, бросает на руль, чуть не выкидывает через лобовое стекло. Шофер бьёт по тормозам и резко останавливает машину перед неизвестным препятствием... Это бомба! Бомба прямо перед машиной! Вонзив острый нос в землю, она, как страшное чудовище, ждёт момента, чтобы превратить всё вокруг в кровавое месиво...

– Всё хорошо, Вася, она не взорвётся... Не взорвётся, слышишь? – говорила Зинаида Ивановна мужу в этот момент, потому что знала, что военный шофёр Краев объехал тогда невзорвавшуюся бомбу и доставил нужные бойцам на передовой снаряды. За этот подвиг командование

представило бойца Краева к Ордену Славы 3 степени. А война оставила в награду первые седые волосы.

Всё страшное позади. Из года в год Василий Михайлович, словно капитан корабля, бороздит золотой океан взлелеянных его бригадой хлебов, как когда-то мечтал. Колосья сверкают на солнце, а зёрна мощным потоком струятся из жерла комбайна. Василий Михайлович в такие минуты не помнит о войне. Он преисполнен тем, что его труд полезен. Бригадир Краев занимается любимым делом тридцать восемь лет и считает, что растить хлеб – это самое нужное, что может делать человек. Быть хлеборобом – это самая мирная профессия.

Он не хотел расставаться с хлебом даже будучи пожилым. Однажды Василий Михайлович, разворачивая комбайн на краю поля, увидел Мишку. Сын отчаянно махал руками, просил остановиться. Распахнув дверь кабины, отец спросил:

– Что случилось, сынок?

– Отец, тебя председатель просит срочно прийти в правление колхоза.

Василий Михайлович спешно пошёл по пыльной дороге, раздумывая о том, что могло случиться. Прийдя в правление, бригадир Краев направился к председателю.

– Здравствуйте, Василий Михайлович! Извините, что так спешно вызвал вас... Сейчас уборочная... Но не смог удержаться, решил прямо сегодня... Вот... Возьмите, поздравляю!...

Председатель положил на стол перед Василием Михайловичем орден.

– Прошло уже сорок лет, но эта награда нашла вас только в восемьдесят пятом!.. - искренне улыбаясь, торжественно произнёс председатель и передал Орден Отечественной войны 2 степени пожилому сержанту.

– Это за форсирование Днепра... – тихо сказал Василий Михайлович, – я уже и не надеялся.

В глазах стояли слёзы, но Краев был счастлив.

Василий Михайлович Краев, военный шофёр, сержант Советской Армии, командир отделения танковой дивизии, кавалер Ордена Славы 3 степени, кавалер Ордена Отечественной войны 2 степени, – это мой прадед. Мой герой! Я никогда его не видела. Прадед ни разу не беседовал со мной, никогда его руки не гладили меня по голове. Но в нашей семье свято берегут несколько пожелтевших фотографий, которые сержант Краев прислал с фронта, и треугольники его писем. Как память, осталась нам с братом история о трудной жизни сержанта Краева, рассказанная его дочерью, моей бабушкой. Я лишь записала этот рассказ. Чтобы мои дети могли передать память о прадеде своим детям! Чтобы потомки никогда не забыли, что их предок – герой! Один из миллионов советских солдат, что подарили человечеству мир!